

Магнит Рима для “русского сердца”

В мире не так много мест, куда в первую очередь рвётся любой человек, едва задумавшийся посмотреть дальние страны. И Рим в этом ряду занимает несомненный пьедестал, притягивая к себе, как всемогущий магнит, путешественников и любознательных. Мне тоже посчастливилось испытать на себе притяжение Вечного города, когда еще в 1999 году я впервые прикоснулся к его прохладным колоннам, написав эти стихи:

*Рим был и есть, много не дано,
К нему приводят все дороги.
И мне однажды было суждено
Застыть в поклоне на его пороге.*

*Отсюда правила империей веков,
Раскинувшейся на полмира,
И нет на свете стран и языков,
Где бы не знали царственного Рима.*

Затем последовали мои новые посещения древнего города, погружение в его глубокую историю.

Этот город обладал и обладает восхитительным свойством дарить энергию и действительно окрылять любого, кто попытается проникнуть в его историю, понять его тайны и чудеса, подняться над суетой сиюминутности и увидеть оттуда приметы ушедших времён.

Обратившись после нескольких посещений Рима к теме “Вечный город в русской поэзии”, я поразился, какой заметный след оставил он в творчестве замечательных русских поэтов самых разных эпох: и Золотого, и Серебряного

---

* В журнале “Наш современник” публикуется отрывок из будущей книги кандидата исторических наук, поэта и издателя Сергея Дмитриева “Русские писатели в Италии”, которая готовится к печати в издательстве “Вече”.

века, и послереволюционного периода. Причём было совсем не важно, удавалось ли этим поэтам посещать Рим, или они переносились в него только на волнах своего воображения. Римское дыхание всё равно ощущалось в их стихотворных опытах. Юный А. С. Пушкин отдал дань такому увлечению ещё в Лицее, когда в стихотворении “Лицинию” нарисовал яркую картину падения Древнего Рима:

*Предвижу грозного величия конец:
Падёт, падёт во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящую рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груди камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублён:
“Свободой Рим возрос, а рабством погублён”.*

Впоследствии римские и итальянские образы ещё не раз волновали воображение Пушкина, которому так и не удалось побывать на берегах Тибра. Не смог увидеть Рим и рано ушедший из жизни поэт Д. В. Веневитинов (1805–1827), который в стихотворении “Италия” объяснился в любви стране на Аппенинском полуострове:

*Италия, отчизна вдохновенья!
Придёт мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я люблю твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой на воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю
И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.*

А поэт Е. А. Баратынский (1800–1845), вырвавшийся в конце жизни в Европу, но скончавшийся в Неаполе, так и не увидев Рима, также оставил свой яркий гимн городу на Тибре:

*Небо Италии, небо Торквата,
Праха поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвётся душа, нетерпением объята,
К гордым остаткам падшего Рима!..*

Примерно такие же восторженные строки о Риме оставил русский поэт И. И. Козлов (1779–1840), которому тоже было не суждено встретиться с этим городом:

*Лети со мной к Италии прелестной,
Эфирный друг, фантазия моя!
Земля любви, гармонии чудесной,
Где радостей весёлая семья
Взлелеяна улыбкою небесной,
Италия, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но как ты мною, прекрасная, любима!*

А вот что писал на ту же тему А. Н. Плещеев (1825–1893):

*Люблю стремиться я мечтою
В ту благодатную страну,
Где мирт, поникнув головою,
Лобзает светлую волну,
Где кипарисы величаво
К лазури неба вознеслись,
Где сладкозвучные октавы
Из уст Торкватовых лились...*

Рим, начиная с пушкинской поры, не случайно стал центром притяжения не только российских поэтов и писателей, но и художников, архитекторов, композиторов, музыкантов. Тому было несколько причин. Конечно, главное заключалось в том, что эта культурная столица Европы того времени, собравшая в себе за столетия несметные культурно-исторические богатства, могла дать и давала людям творческих профессий возможность обучения, незаменимый опыт, вдохновение и общение с творческими людьми со всей Европы. И так получилось, что рассвет русского присутствия в Риме пришелся на 20–40-е годы XIX века, когда в Вечном городе блистали русские салоны Зинаиды Волконской, где 180 лет назад, в 1837 году, появился великий Н. В. Гоголь, обретший в городе на Тибре искомый рай!

А местом, которое нагляднее всего напоминает в Риме о той великолепной эпохе, является фонтан Треви, самый восхитительный из ожерелья римских фонтанов, нанизанных на площади и улицы древнего города. Этот фонтан, питавшийся водой из старого акведука, до сих пор по утрам посещают римские старушки с особой посудой, считая воду в фонтане самой вкусной и полезной. А уникальная композиция фонтана, слившегося с резным фасадом Палаццо Поли, и сегодня напоминает величественную театральную декорацию из жизни морских богов, звучащую неповторимой музыкой журчащей воды, которую слушала в своем дворце Зинаида Волконская и которую она до сих пор может слышать в церкви кардинала Мазарини, напротив фонтана, там, где ей суждено было упокоиться навек...

Кроме фонтана Треви, самым впечатляющим местом, напоминающим сегодня о Русском Риме, является для меня старое кладбище Тестаччо, которое умудрилось как будто бы вклиниться между самыми разными эпохами городской истории: от Древнего, помпезного Рима и средневекового, тогда ещё скромного города на Тибре до нового и новейшего времени. Около 1000 россиян упокоилось на этом кладбище на протяжении примерно 200 последних лет, и их списки, благоговейно сохранённые энтузиастами исторических изысканий, поражают своей пестротой и величием. Подробно исследовав это кладбище в ноябре 2017 года, я не мог не написать о своих тогдашних впечатлениях эти печальные поэтические строки:

На кладбище Тестаччо

*На римском кладбище и тихо, и уютно,
Как в парке отдыха с летающей листвой.
Но думается здесь ежеминутно
О судьбах россиян, нашедших здесь покой.*

*Их даже не десятки, а, поверьте, сотни
Тех, кто не смог в утерянных годах
На Родине далёкой сбросить сходы,
Вернувшись на скитаний парусах.*

*И что за имена! Какие судьбы рядом!
Брюллов, Голицына, Романовы, Гурко,
Иванов, Вяземская... Листопадом
Забросило их слишком далеко.*

*И вот они молчат под ветра всхлипы,
Давно забыв приметы суеты,
А над могилками шумят по-русски липы,
И бродят рядом кошки и коты.*

Зинаида Волконская: на пути к Риму

В судьбе этой женщины, которую, без сомнения, можно причислить к числу самых незаурядных и удивительных женщин России XIX века, многое было символично и знаменательно. Начнём с того, что её рождением вдалеке от Родины и последующими годами жизни в европейских столицах определилась “скитальческая” судьба нашей героини, которая из прожитых ею более 70 лет в России провела всего лишь около 10 лет. Отсюда проистекала и необычная “включённость” её в мир европейской культуры, и знание ею 8 языков, в том числе древнегреческого и латыни, и стремление проявить себя в самых разных сферах искусства – от разнообразных музыкальных жанров до литературы и истории. Зинаида Александровна Волконская родилась 3 (14) декабря 1789 года в Дрездене, в семье князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, знатного аристократа, бывшего тогда посланником России при Саксонском дворе, и Варвары Яковлевны Татищевой, которая умерла, когда её дочери было только три года. В 1792 году отец состоял уже в должности российского посла при дворе Сардинского королевства в Турине, и ему выпало взять на себя дальнейшее воспитание не только Зинаиды, но и других дочерей – Марии Магдалины и Натальи.

Александра Михайловича, одного из самых образованных людей своего времени, не зря за красоту и любовь к искусству прозвали “московским Аполлоном”: он писал стихи на нескольких языках, был вхож в самые именитые дома Европы, слыл меценатом, водил дружбу с Моцартом и Вольтером. Именно от отца дочь унаследовала любовь к науке и искусствам, которую князь всячески поощрял. У Зинаиды было красивое контральто высокого профессионального уровня, она замечательно рисовала, сама писала музыку, и её смело можно назвать одной из первых женщин-композиторов России, кроме того, она была поэтессой, увлекалась и прозаическим жанром.

Князь Белосельский-Белозерский умер в 1809 году, когда его семья уже вернулась в Россию. И у Зинаиды начался новый этап жизни: она по настоянию родственников в 1810 году вышла замуж за представителя благородной дворянской семьи, егермейстера (флигель-адъютанта) императора Александра I, князя Никиту Григорьевича Волконского, который был старше неё на 11 лет, и вскоре родила сына Александра, хотя её отношения с мужем и не отличались любовной привязанностью. По долгу службы муж Зинаиды должен был сопровождать императора во время его заграничных походов после событий 1812 года, и за ним в Дрезден, Вену, Париж и Лондон последовали и жена с сыном. И именно в это время начинается роман Зинаиды и Александра I, доказательством которого выступает их сохранившаяся переписка. Многие в этих отношениях, которые не могли не повлиять сильнее всего образом на Волконскую, до сих пор остаётся неизвестным. Любопытно, что император знал Зинаиду ещё до её замужества, ведь в 1808 году она была фрейлиной при прусской королеве Луизе. Александр I обратил тогда внимание на обаятельную девушку, обладавшую музыкальным и литературным талантами.

“Только Вы умеете делать приятными всех, с кем Вы общаетесь, поскольку Вы сами одарены той любезностью, которая заставляет всех чувствовать себя рядом с Вами легко и непринужденно. Поэтому часы, проведённые рядом с Вами, доставляют истинную радость”, – признавался в 1813 году Александр I в письме к Зинаиде Волконской. “...Горю нетерпением, княгиня, пасть к стопам Вашим; вчера я уже жаждал этого счастья”, – и это писал молодой 24-летней красавице не кто-нибудь, а император всероссийский, который, кстати, не очень-то хотел, чтобы она занималась искусствами. Он писал ей позднее: “Искренняя моя привязанность к Вам, такая долголетняя, заставила меня сожалеть о времени, которое Вы теряете на занятия, по моему мнению, так мало достойные Вашего участия”.

Конечно, близость к императору только усиливала популярность и известность молодой певицы, которая начала выступать тогда на сценах частных

и государственных театров Европы, в том числе в Париже, Риме и Вероне, блистала на Венском и Веронском международных конгрессах. Благодаря княгине на сцене частного парижского театра была впервые поставлена опера Джоаккимо Россини “Итальянка в Алжире”, положившая начало его популярности как композитора. После этого Волконская содействовала тому, чтобы оперы Россини блистали на парижских сценах. Сам Россини не пропускал выступлений Волконской в салонах Европы, он сочинил для неё несколько романсов и издал их с посвящением “Мадам Волконской”, а русские темы, прозвучавшие в опере “Севильский цирюльник”, были напеты самой Зинаидой.

Увлекаясь музыкой, Волконская не забывала при этом о своих семейных обязанностях и благотворительности, которой она была привержена долгие годы. Примером этого стало усыновление Волконской в Лондоне мальчика-сироты, буквально подобранного на “тротуаре”, названного Владимиром Павей (от слова “pavement” – тротуар) и ставшего частью семьи княгини.

После окончания войны и возвращения императора в Петербург, где его ждали жена и фаворитка Мария Нарышкина, отношения Александра I с Волконской сошли на нет, хотя переписка между ними сохранялась долгое время, вплоть до смерти императора, которая потрясла княгиню, написавшую кантату памяти Александра, сочинившую на неё музыку и написавшую особую “Записку” о смерти императора...

В 1817 году княгиня с сыновьями возвращается из европейских странствий в Россию, чтобы дать им подобающее образование, прибегая при этом к услугам знаменитого пансиона иезуитов. Она пользуется шумным светским успехом, но её тянет в ставшую почти родной Италию, и осенью 1819 года она уезжает на несколько месяцев в Варшаву, а весной 1820-го прибывает в Рим, где остаётся до 1822 года. Вращаясь в высших кругах, она начинает собирать вокруг себя своеобразный “русский кружок”, приглашая к себе приезжих из России писателей, музыкантов и особенно художников и скульпторов, которых в тот период в силу реализации особой программы обучения за границей российских мастеров кисти было в Риме действительно немало. Достаточно назвать имена художников О. А. Кипренского, К. П. Брюллова, Ф. А. Бруни, С. Ф. Щедрина, В. К. Сазонова, скульптора С. И. Гальберга, архитектора К. А. Тона.

С. И. Гальберг, направленный в Италию Академией художеств и потому считавшийся, как и другие художники и скульпторы, “пенсционером”, в письме из Рима от 19 декабря 1820 года рассказывал, что княгиня – “женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина-автор, музыкант, актёр, женщина с глазами очаровательными, наконец, та самая, которая известна в Петербурге под именем Зинаиды Волконской; она здесь живёт около 8 месяцев. Она привезла с собою сюда живописца Ф. А. Бруни, который и живёт у неё в доме”. А 30 мая 1821 года он сообщил уже подробности вечеров у Волконской: “Когда мы, русские пенсционеры, стали с нею познакомее, она начала приглашать нас на свои музыкальные вечера, что здесь, в Риме, называется приглашать в Академию. Мало-помалу эти музыкальные вечера превратились в оперу, и мало-помалу мы из зрителей превратились в актёров”.

Известно, что Волконская в тот период не только сама написала либретто и музыку к драме “Жанна д’Арк” по “Орлеанской деве” Шиллера, но и явилась на сцене своего домашнего театра в роли французской героини. Сразу же после этой постановки Волконская поставила также в своём театре оперу Россини “Танкред” по трагедии Вольтера. И её известный портрет в образе Танкреда написал тогда приехавший с ней из России художник Ф. А. Бруни.

Театральные постановки и встречи в доме Волконской посещали и многие итальянские деятели искусств, такие вечера фактически предвосхитили знаменитые Русские салоны Зинаиды Волконской, которые на постоянной основе начали проводиться с конца 1820-х годов. До сих пор точно не установлено, в каком месте Рима Волконская собирала своих друзей в 1820–1822 годах, но это точно происходило не в палаццо Поли – дворце, который до 1830 годов находился в аварийном состоянии и который Волконская занимала на постоянной основе лишь с осени 1834-го по 1845 год. Заслуги княгини в сфере поощрения искусств были оценены тогда в Риме её приёмом в члены знаменитой Академии Аркадии, куда входил ранее и её отец. Причём Зинаида была принята в Академию под псевдонимом Каритеи Чидонии.

В 1822 году Зинаида Волконская возвращается в Петербург, чтобы заниматься дальнейшим образованием сыновей, а осенью 1824 года переезжает

в Москву, вступив в период, когда по всей стране гремела слава её салона на Тверской улице, — в дом, который впоследствии станет известен как “Елисейский магазин”. “Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской”, — вспоминал А. Н. Муравьёв. А вот как современница описывала апартаменты княгини: “Её столовая зелёно-горчичного цвета с акварельными пейзажами и кавказским диваном, подобным таганрогскому. Её салон — цвета мальвы с картинами в золотых рамах, мебель обита густо-зелёным бархатом... Её кабинет увешан готическими картинами, с маленькими бюстиками наших царей на консолях... Пол её салона покрашен в белые и чёрные цвета, что превосходно имитирует мозаику. Я не могу передать, насколько всё это красиво и в хорошем вкусе”.

Именно в эти годы стараниями Волконской в России складывался особый тип светского салона, в котором гости, как правило, не играли в карты и не танцевали, а посвящали всё время общению и искусствам, прежде всего, музыке и литературе, превращая такие встречи в эстетические вечера с музицированием, литературными чтениями, домашними спектаклями, дискуссиями и ознакомлением с новинками художественной жизни. К Волконской стремились попасть не только аристократы и знать, а все, кто причислял себя к людям творческих профессий: писатели, учёные, историки, композиторы, художники, скульпторы, архитекторы. Притяжение салонов усиливалось тем, что их хозяйка была в дружбе с А. Пушкиным, П. Вяземским, Е. Баратынским, А. Дельвигом, Д. Веневитиновым, П. Чаадаевым, Д. Давыдовым, В. Одоевским, М. Загоскиным, М. Погодиным, А. Хомяковым, братьями Киреевскими и многими другими выдающимися людьми своего времени. На вечерах у княгини появлялись и выступали А. Мицкевич, польская пианистка М. Шимановская, итальянские музыканты Паини и Перуккини. Одно из самых ярких высказываний о салоне Волконской оставил Вяземский, писавший о “волшебном замке музыкальной феи”, где “мысли, чувства, разговор, движения — всё было пение”. “В доме Волконской, — по его свидетельству, — соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Всё в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли... Помнится и слышится ещё, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его, положенную на музыку Геништою:

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства...” Эта памятная встреча, описанная Вяземским, состоялась осенью 1826 года. А в начале ноября Пушкин уехал в Михайловское, и накануне отъезда, 29 октября, Волконская послала ему свой портрет и написала тёплое письмо, в котором высоко оценила талант Пушкина как русского гения: “Возвращайтесь к нам. В московском воздухе легче дышится. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, а творец “Бориса Годунова” принадлежит городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человека, чей гений есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь нам то дикарем, то европейцем, то Шекспиром или Байроном, то Ариостом или Анакреоном, но всегда Русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, любовных, простых, порою суровых, романтических или язвительных к величественному и простодушному тону строгой истории”.

Именно в доме Волконской в конце декабря 1826 года состоялась встреча Пушкина с уезжавшей в Сибирь к декабристу Сергею Волконскому — брату мужа Зинаиды — Марией Николаевной Волконской-Раевской. Зинаида окружила тогда Марию особой заботой, помогая и другим женам декабристов, в том числе Екатерине Трубецкой, что не могло не усилить в глазах властей её неблагонадёжность. М. Н. Волконская вспоминала о заботе Зинаиды: “Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве... Прекрасное итальянское пение привело меня

в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня ещё прекраснее. . .”

Пушкин был очарован Зинаидой Волконской, ценя её приверженность высоким музам. В мае 1827 года он послал ей свою поэму “Цыганы” и посвящённое ей стихотворение:

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьётся, и пылает гений.
Певца, пленённого тобой,
Не отвергай смиренной дани...*

“Царица муз и красоты” на всю жизнь сохранила трепетное отношение к Пушкину, которого ей не суждено было больше увидеть после отъезда в Италию в конце февраля 1829 года. И не случайно, пожалуй, первый в мире памятник Пушкину был установлен именно Зинаидой Волконской на Аллее памяти её римской виллы.

Возвращаясь к московским салонам, следует отметить, что Волконская была великолепным режиссёром этих встреч, выступая на них певицей, музыкантом, поэтессой и даже прозаиком, читая отрывки из своих исторических произведений. Напомним, что после возвращения в Россию в 1822 году княгиня принялась за самое интенсивное изучение русской литературы и родного языка, который до того мало знала, страстно увлеклась российской историей: её интересовали песни, обычаи, народные легенды, она стала первой женщиной среди членов Общества любителей древностей российских при Московском университете, а её историческое сочинение “Славянская картина V века” выдержало три издания в Париже, Москве и Варшаве. Кроме этого, Волконская была автором исторической поэмы “Ольга” (она гордилась своим происхождением от Рюрика, то есть от княгини Ольги), сочиняла и печатала в журналах и альманахах стихи на русском, французском и итальянском языках, а на французском языке ею были написаны и опубликованы 4 повести.

Волконская очень ценила импровизации, и серьёзная музыка и литература не случайно соседствовали на её салонах с шарадами, шутками и эпиграммами. Самое удивительное, что в Волконской сочетались ясное понимание и даже чутьё на всё талантливое в русской литературе, музыке и культуре, стремление помогать носителям этих талантов всеми возможными способами и в то же время готовность удалиться от России далеко-далеко, в ставшую, по сути, её второй родиной Италию. Кстати, именно итальянские певцы и композиторы постоянно блистали на московских салонах Волконской, связывая две страны в одну художественную цепь.

Однако неправильно было бы думать, что всё на московских салонах Волконской было идиллическим и бесконфликтным, иногда там не могло не проявляться и лицемерие, и притворство, и чрезмерное увлечение театральностью, и выпячивание кого-то в противовес другим. Пушкин, человек открытый и резкий, иногда просто уставал от театральных постановок с участием Волконской и отвергал настойчивость в уговорах обязательно что-то прочитать для публики.

Однажды, когда Пушкина долго упрашивали выступить, он в досаде и с вызовом прочёл своё спорное стихотворение “Чернь”, сказав: “В другой раз не станут просить”. “Я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды (дай ей Бог ни дна, ни покрышки, то есть ни Италии, ни графа Риччи!)”, — написал Пушкин в январе 1829 года в письме к П. А. Вяземскому, высказавшись нелицеприятно об итальянском графе и певце, красавце Миниато Риччи (1789–1877), новом кавалере Волконской, из-за которой тот развёлся со своей женой Екатериной Петровной Луниной, представительницей богатого дворянского рода, тоже имевшей прекрасные музыкальные способности

и обучавшейся в Филармонической академии в Болонье. Дело в том, что поведение жгучего брюнета с чарующим голосом, уроженца Флоренции, родовитого, но не очень богатого Риччи, оставившего Лунину, многими в Москве было воспринято с осуждением, в их числе, как видим, был и Пушкин. При этом любопытно, что Риччи сам был поэтом, знал русский язык, он первым начал переводить произведения Пушкина, а также Жуковского, Державина и Веневитинова на итальянский язык и даже готовился издать в Италии Антологию русской поэзии.

Увлечение Волконской итальянским певцом стало её настоящей любовью, которую она пронесла потом через всю жизнь. И этот союз, который для многих в Москве, а потом и в Риме не был секретом, оказался счастливым, несмотря на то, что Волконская так и не развелась со своим мужем вплоть до его смерти в 1844 году (этого не хотел, в первую очередь, сам муж княгини, слишком сильно любивший свою супругу). А Риччи и Волконскую ждало потом ещё много испытаний, в частности, в 1850 году граф, постепенно терявший зрение, окончательно ослеп, но княгиня старалась быть рядом с ним, всё более прибегая к благотворительности. Несмотря на слепоту, Риччи надолго пережил Волконскую и делал всё для сохранения памяти о ней.

Вероятно, одной из главных причин отъезда Волконской в Италию в 1829 году и явилась любовь к Риччи и желание её замять скандал, а также интерес княгини к католицизму, который поначалу не афишировался, но потом, в Италии, в 1833 году привёл к перемене Волконской веры и её переходу в католичество. Этот факт не должен казаться каким-либо вопиющим, ведь Зинаида выросла в Италии, была поглощена европейской культурой, постоянно общалась с иезуитами и, как мы покажем ниже, увязывала этот шаг с помощью обездоленным и нуждающимся.

Кроме того, на отъезд княгини из России повлияло изменение после декабрьского восстания и воцарения Николая I общественной атмосферы в стране. Поддержка Волконской жён декабристов привела к тому, что над ней был установлен тайный надзор полиции. Как говорилось в одном из жандармских докладов, “между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство – княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг”.

Сопровождали Волконскую в годы пребывания в Москве и различные светские толки и пересуды, связанные с тем, что в неё постоянно кто-то влюблялся, а княгиня имела свойство “играть” со своими воздыхателями. Известно, что в неё были влюблены итальянский художник и скульптор М. Барбиери, расписывавший интерьеры её дома, поэт К. Батюшков, посвящавший ей стихи, художник Ф. Бруни, создавший несколько её портретов, а также знаменитый А. Мицкевич, который влюблённостью в Волконскую разрушил свою помолвку с Каролиной Яниш. Славу “роковой женщины” подкрепляли слухи, что княгиня приносит несчастье всем, кто в неё влюбляется. Особенно потрясла многих история с поэтом Дмитрием Веневитиновым, который был моложе княгини на 15 лет, страстно в неё влюбился, в течение трёх лет сгорал от этой любви и посвятил своей Музе несколько стихотворений. Волконская не отвечала ему взаимностью, но и не прогоняла прочь, даря свою дружбу. Она преподнесла ему перстень, найденный при раскопках Помпеи и Геркуланума, а поэт заявил, что наденет его перед свадьбой или смертью, и оказался прав, скончавшись вскоре от простуды и унеся заветный перстень в могилу. Волконскую потом долго терзали укоры совести, она даже сблизилась на почве общегоря с матерью поэта! И как напоминание об этой истории остались стихи Веневитинова, обращённые к княгине:

*Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?*

Хочется особо подчеркнуть, что сила душевного и художественного “магнита”, которым обладала Волконская, многие годы притягивала к ней самые яркие таланты русской культуры. И не случайным представляется, что ей принадлежат, пожалуй, два несомненных рекорда пушкинского времени: никто

не может сравниться с ней ни по количеству её портретов — более 20, — сделанных различными мастерами кисти, ни по количеству посвящённых ей стихов, которые были написаны также не менее чем 20 российскими и иностранными поэтами. В этом очаровании княгиней немаловажную роль играла и её необычная красота: золотые волосы и глаза “цвета цейлонского сапфира” — именно такое сочетание поразило поэта И. И. Козлова, который писал в 1826 году, незадолго до того, как ослеп:

*Волшебным голосом плененный,
Я только помню, что видал
Певицы образ незабвенный.
О! Помню я, каким огнём
Сияли очи голубые,
Как на челе её младом
Вилися кудри золотые.
И помню звук её речей,
Как помнят чувство дорогое;
Он слышится в душе моей,
В нём было что-то неземное.*

На эти признания сама Волконская ответила Козлову стихами под названием “Другу-страдальцу”, а поэт долгие годы после утраты зрения продолжал воспевать княгиню, потеряв возможность ходить из-за паралича и храня её драгоценный подарок — чашечку, сделанную из лавы Везувия. Не миновали чары княгини и великого поэта Николая Некрасова, который в своём произведении “Русские женщины” также указал на её увлечённость искусством, назвав её “царицей московского света”, Северной Коринной, которая “цвет южного неба в очах принесла”:

*...Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Вeneвитинов стансы ей пел,
Влюблённый в неё безнадежно...*

Отъезд Зинаиды Волконской в Италию в 1829 году вызвал у многих друзей княгини печальные чувства. Лучше всех их выразил Е. А. Баратынский в послании “К З. А. Волконской”, в котором он писал, что из России:

*Где жизнь — какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон
Одушевлённый, сладострастный,
Где в кущах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы...
Где жизнь игрива и легка...
Там лучше ей, чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжимает сердце поневоле?..
И неутешно мы рыдаем.
Так, сердца нашего кумир,
Её печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.*

А вот молодой Степан Шевырёв в том же 1829 году, когда Волконская решила покинуть Москву, написал, в отличие от Баратынского, совсем не печальное стихотворение: “К Риму древнему взывает // Златоглавая Москва // И любовью окрыляет // Хладом сжатые слова”. Дело в том, что княгиня взяла Шевырёва с собой в Италию в качестве воспитателя её сыновей, и он долгое время жил рядом с Зинаидой, посвятив ей потом ещё одно яркое стихотворение с характерным названием “Русский соловей в Риме”:

*...Тибр и шумная дубрава
Сочетали дружный глас:
“Соловей, России слава!
Пой нам песни, радуй нас”...*

Антологию стихов, посвящённых княгине, можно было бы ещё долго продолжать. Приведём лишь стихотворение “Зинаида Волконская”, написанное в 1919 году, то есть почти через сто лет после описываемых событий, забытым уже поэтом Серебряного века Леонидом Гроссманом:

*Она вошла в московские салоны,
Чтоб в городе шатровых куполов
Пропеть под мерный гул колоколов
Палящие Петрарковы канцоны.*

*И полюбила тёмные иконы,
Кириллицу, славянский Часослов,
Чтоб вспоминать о них среди балов
В толпе конгрессов Вены и Вероны.*

*Но снова Древний Рим пред ней возник,
И позабыла в дыме базилик
О бедных храмах с нищими в приделах,*

*Когда горящий пурпуром прелат
Пред нею пел в торжественных капеллах
Терцины католических кантат.*

Палаццо Поли, римская вилла и русские салоны Зинаиды Волконской

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что “у каждого свой Рим!” И я не единожды убеждался в правоте этого вывода, когда в разные годы и сезоны встречался с городом на Тибре. Первым делом я, конечно, не мог не сравнивать Рим и Москву, находя в этих городах много похожего и общего, прежде всего, их историческую глубину и культурный масштаб.

В Риме любого приезжего поражает сочетание и переплетение как будто бы трёх различных городов: древнего, античного, застывшего в развалинах и стенах Колизея, неживого и величественного в своём молчании; Рима эпохи Возрождения и расцвета барокко, витиеватого и резного по своей сути, броского и журчащего многочисленными фонтанами; а также современного города, который каким-то образом умудрился вжиться в первые два образа, переплестись с ними, внося в них живую струю не затихающей вокруг жизни с толчёр, суматохой и бесконечными наплывами туристов. И не мудрено, что лично мне с первых дней знакомства с Вечным городом ближе, понятнее и привлекательнее был и остаётся Рим в маске барокко, которую лучше всех олицетворяет своими творениями неповторимый Бернини. Отсюда вывод: Рим Бернини – это неповторимая песня улиц, площадей, дворцов, храмов, домов, фонтанов и парков, бегущих сквозь века римской истории к дням нынешним. И только стихи могут выразить такое восприятие Вечного города, которое всегда сопровождает меня во время прогулок по его просторам:

*Полёт, масштаб, помпезный дух
Вдохнул умело в Рим Бернини*

*И завершил узором линий
Барокко несравненный круг.*

*Сравниться может он вполне
И с Микеланджело великим.
Рим не был бы столь разноликим
С Возрождением наедине.*

*Бернини внёс на полотно
Живые, трепетные краски,
Надев на Рим иные маски,
Как было Риму суждено.*

*Собор Петра, фонтанов ряд,
Мосты, скульптуры и поныне
В честь искромётного Бернини
Проводят праздничный парад.*

А площадь у фонтана Треви и палаццо Поли, которая является одним из самых посещаемых мест в мире, можно назвать квинтэссенцией римского великолепия эпохи барокко. И очень важно, что архитектор Николо Сальви создал этот фонтан именно по чертежам Бернини, а скульптуры для него создавали именитые скульпторы Пьетро Браччи и Филиппо Вале. Их общими усилиями была явлена миру жемчужина итальянского искусства в виде необыкновенной композиции скалистого острова, врезанного в палаццо Поли.

И как важно, что именно с этим местом связаны самые яркие приметы Русского Рима. Именно здесь блистали салоны Зинаиды Волконской, которая в феврале 1829 года рассталась с Москвой и направилась в Рим вместе с сыновьями и поэтом-филологом С. П. Шевырёвым, готовившим их к поступлению в университет. По дороге в Италию путники совершили вояж по Европе, специально заехав в Веймар, чтобы встретиться с Гёте. Княгиня во время этого вояжа вела дневник, который под названием “Отрывки из путевых воспоминаний” был опубликован вскоре в альманахе “Северные цветы” на 1830 год (СПб, 1829). Приведём лишь несколько цитат из этих воспоминаний, убедившись и в достоинствах яркого слога княгини, и в глубине её размышлений, и в её любви к Италии.

“Между Пёснеком и Шлейцом. 13-го мая. Как трудно ехать по каменистой неровной дороге! А тяжелее тому, который непрестанно смотрит на трудный путь свой, считает все камни, которые могут ранить его ногу. Взгляни он на синие горы вдаль, на гордые скалы, на извивающуюся крутую дорогу, по которой он спустился, и тогда запыхавшаяся его грудь вздохнёт от чувства и восторга: так поэт, смотря на прошедшие скорби души, на гонения, на клевету, на невозвратные утраты, находит в них краски поэзии и красоты, и в мучительном водовороте страдания пьёт вдохновение и славу...”

Путешествие – какой изобильный источник для мыслящего! Там называют горами, что далее пригорки; что здесь дремучий лес – там редкая роща; то, что там пропасть, здесь долина; что для того восток, для другого север; для меня отечество, для тебя чужбина; но могут ли быть края совсем чужие для истинного филантропа? Отечество! Священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздаётся наш родной язык. Отечество! Ты наш родитель, а братья и друзья – всюду, где жизнь пылает и сердце бьётся. Славянин! Гордись родиной, дари её жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца, любящие бессмертную истину Создателя и красоту Его создания.

22 мая. Чем едешь далее, тем более природа теряет свою жестокость; реки текут в Италии свободнее, легче; наречие германское сливается с авзонийским; растения горные срastaются с благоуханными растениями южными, цвет взоров превращается из небесного в чёрный, как уголь, и смуглость лиц, и богатство природы знаменуют одно и то же – присутствие жаркого деятельного солнца. Сельские церкви, распятия на полях, образы Святых и Богоматери становятся изящнее, пестрота и нелепость произведений грубых изменяются в простые и приятные формы, и всё предвещает родину прекрасных

линий. Как непостоянно воображение человека! Огромные горы, которыми я долго восхищалась, мне теперь кажутся тюрьмой, и я скажу с нашим Пушкиным:

Мне душно здесь, я в лес хочу! —

но в лес лавровый. . . Вот скалы становятся ещё выше; камни, как черепа исполинские, остановились на покате крупных гор, глядят и скрежещут на смелого прохожего. “Тут горные духи их набросали”, — сказал нам тамошний житель и, сказавши, прошёл мимо их спокойно. . .

В тот же день вечером. Река течёт в долине, это Brenta. . . но я её ещё не узнала. Берега её пусты, народ скучен. Альпы над ней; но вот она: вот весёлые, белые селения; вот сады, из которых валяются, как из рога изобилия, сочные плоды и текут ручьями нежный шёлк и сладкие вина; вот густые гирлянды из виноградных листьев, оне своенравно сплетаются то с диким, то с плодовитым деревом. Кипарисы, как исполинские чернецы, поднимаются над плакучими ивами. Вокруг меня грация природы и звучный язык. . . Я в Италии! Повторяю с поэтом: “Италия, Италия, о ты, приявшая от жребия несчастный дар красоты с роковым венком бесконечных бедствий, которые, печальная, являешь на челе своём”!

Для чего же ты так прелестна, для чего не так же сильна? Тогда более страха и менее любви внушала бы ты тем, которые будто томятся пред красотой твоего взора, а вызывают тебя на смертный бой.

После Виченцы и Падуи. Природа и возделывание — всё в Италии согласно и прелестно для взора. Гирлянды тройные, многосложные, по обеим сторонам дороги висят на деревьях и составляют густые лиственные сени. Они обнимают нивы и межуют соседние поля. Конечно, Шекспир здесь бы соединил хоровод своих духов игривых вокруг прихотливой волшебницы лугов, и прихоти её здесь бы умолкли. . .

Венеция, некогда гордая невеста Океана! Сколько раз взоры мои обнимали твои лагуны, острова и гармонические здания! Как часто я летала по твоим каналам и мечтала видеть в чёрных продолговатых гондолах то сны прошедшей твоей славы, то образ скоротечных часов живых ночей италийских! Волны морские могут залить тебя, твои дворцы, твои храмы, смыть радужные краски Тициана, но имя твоё, Венеция, звучит на золотой лире Байрона. Стихи великого Поэта есть неприступный, неразрушимый пантеон.

Флоренция. Первое желание души любящей — излить в дружескую душу все впечатления приятные и все чувства очаровательные, кои я пью с воздухом Италии. Хотела бы излить их в письмо к другу, но друг мой в печали: так могу ли напомнить ей о блаженстве земли? . .

Тоскана, Пиза. 12-го июля. Вся Тоскана есть улыбка, всё там отвечает взору нашему: мы довольны, мы счастливы. Берега Арно угощают жителей золотыми колосьями, чёрным виноградом и тучными оливами. Так на Горациевых пирах столы гнулись под богатыми дарами садов и душистые цветы венчали чаши пенистого фалерна”.

Пред нами талантливая путевая проза женщины-путешественницы, стремящейся увидеть красоты дальних стран и в то же время думающей о своём Отечестве и славянских корнях: “Отечество! Священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздаётся наш родной язык”. Княгиня сформулировала даже в своих записках завет истинного патриота, который открыт миру: “Гордись родиной, дари её жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца”. Самое удивительное, что это написала женщина, которая вскоре после этих строк поселилась в Риме почти на 33 года и лишь дважды за этот период (в 1836-м и 1840 годах) посетит Россию на краткое время. Выходит, что скитальческая судьба, предначертанная девочке, родившейся и долго жившей в Европе, разыграла особую пьесу с княгиней, которая любила Россию, ценила и знала её историю и всячески помогала гениям и талантам русской культуры. Видимо, высшим силам было угодно, чтобы она уехала в Вечный город и именно там создала “русский уголок”, в котором могли бы находить пристанище, творить и общаться с мастерами европейской культуры деятели искусств из России. Ведь не случайно же ещё в 1828 году Волконская писала об Италии князю Вяземскому: “Эта страна, где я прожила четыре года, стала моей второй родиной: здесь у меня есть

настоящие друзья, встретившие меня с радостью, которой мне никогда не оценить в достаточной мере... Всё мне любезно в Риме — искусства, памятники, воздух, воспоминания”.

Мы можем смело утверждать, что свои “русские встречи” Зинаида Волконская начала проводить уже в конце 1829 года, постепенно увеличивая круг тех, кто посещал её салоны, которые, без сомнения, получили наибольший взлёт, когда они проходили в палаццо Поли. Примером ранних салонов княгини стало пребывание в Риме, начиная с 18 ноября 1829 года, по приглашению княгини Адама Мицкевича и его друга А. Э. Одынца. В это время княгиня жила на парадном этаже дворца Ферруци на Монте Брианцо, 20, на берегу Тибра с видом на замок Святого Ангела (этот дворец не сохранился), и ради приехавших гостей в её доме происходил целый ряд встреч, в которых принимали участие двое её сыновей, её сестра Мария Магдалина Власова, Степан Шевырёв, Минаато Риччи, Карл Брюллов, Фёдор Бруни, Александр Тургенев, итальянские музыканты, художники, священники, кардиналы и т. д. Княгиня показывала гостям красоты Рима и его предместий, устроив им посещение бала у посла России в Ватикане князя Г. И. Гагарина в его дворце, который тоже был своеобразным “русским островком” Рима.

Важнейшее значение в дальнейшей судьбе русских салонов Волконской имело её решение в 1830 году построить виллу, адрес которой сохранился в современной топонимике Рима: Piazza di Villa Wolkonsky. Княгиня купила участок земли на Эсквилинском холме, в пригороде Рима, неподалёку от Латеранской базилики Иоанна Крестителя (San Giovanni in Laterano) и церкви Санта-Скала (“Святая лестница”). Там в то время ещё находились сельские угодья, а рядом сохранился древний акведук, сооружённый императором Клавдием в 52 году н. э. По распоряжению княгини акведук был отреставрирован, став украшением виллы и её прекрасного романтического парка с множеством роз, цветов, кустарников и деревьев, а также аллеями, дорожками, гротами и прудами. Парк украшали многочисленные статуи, античные вазы и амфоры. А само здание было построено по проекту итальянского архитектора Джованни Аззури, в нём хозяйкой было собрано внушительное собрание рукописей, картин и редких книг.

Построив виллу, Волконская в зависимости от сезонов, состава участников и поводов для встреч собирала свои салоны то в римских апартаментах, то на вилле. И как это уже было ранее в Риме, в 1820–1822 годах, а потом в Москве в 1824–1829 годах, её “русский кружок” стал притягивать к себе многих представителей итальянского искусства, живших или приезжавших в Вечный город на краткое время иностранных художников, музыкантов, писателей и архитекторов, в первую очередь российских. Перечислим здесь неполный список мастеров русской культуры, которые в разное время и с разной интенсивностью посещали салоны Волконской: Николай Гоголь и Василий Жуковский, Александр Тургенев и Пётр Вяземский, Степан Шевырёв и Михаил Погодин, Николай Языков и Иван Киреевский, Михаил Глинка и Василий Стасов, Карл и Александр Брюлловы, Александр Иванов и Самуил Гальберг, Фёдор Бруни и Сильвестр Щедрин, Орест Кипренский и Василий Сазонов, Петр Басин и Федор Матвеев, Фёдор Иордан и Пётр Орлов, Фёдор Буслаев и Константин Тон.

А вот имена зарубежных гостей салонов, которые могут украсить любые списки мастеров мировой культуры: Джакомо Россини и Гаэтано Доницетти, Бертель Торвальдсен и Антонио Канова, Джоаккино Белли и Виктор Гюго, Адам Мицкевич и Вальтер Скотт, Анри Стендаль и Фенимор Купер, а также, вероятнее всего, Александр Дюма, описавший палаццо Поли и фонтан Треви в романе “Граф Монте-Кристо”. Пожалуй, в Европе того времени вряд ли можно найти более насыщенное “культурной энергией” место, чем салоны Волконской, на которых происходило взаимовлияние культурных традиций разных стран. Княгиня была проводником и популяризатором русской культуры в Европе, и в то же время она способствовала перенесению лучших достижений европейского искусства на русскую почву. Благодаря помощи княгини, русские художники получали заказы от итальянской и европейской аристократии, а музыканты и композиторы имели возможность становиться известными в городе на Тибре.

Но самое главное заключалось в том, что Волконская постоянно и бескорыстно помогала всеми возможными способами — от финансов и временного

приюта до душевного участия — россиянам, оказавшимся по той или иной причине в Риме и нуждавшимся в помощи. Наиболее наглядно это показывает пример её отношений с Н. В. Гоголем, о котором мы расскажем ниже. А здесь упомянем лишь о её поддержке князя П. А. Вяземского в то время, когда его девятнадцатилетняя дочь Прасковья скончалась во время путешествия Вяземских в Италию в марте 1835 года и была похоронена в Риме. Княгиня не только помогала и успокаивала князя, взяв на себя заботы о могиле его дочери, но и написала стихотворение “Князю П. А. Вяземскому на смерть его дочери”, прекрасно иллюстрирующее её душевные качества:

*В стенах святых она страдала,
Как мученица древних лет;
Страдать и жить она устала;
Уж всё утихло... девы нет!*

*И кипарис неперемной
Стоит над девственной главой,
Свидетель тайны подземельной
И образ горести родной!*

*Ты едешь... но её могилу
Оставишь мне не сиротой:
Так солнца заменяет силу
Луч месяца в ночи святой!*

Волконская умела дружить и хранить память о тех, кто ей был близок и дорог. В 1837 году, когда весть о гибели А. С. Пушкина достигла Рима, княгиня распорядилась установить неподалёку от акведука небольшую стелу-obelisk в память о поэте на своей вилле. Это был, по сути, первый памятник Пушкину в мире, рядом с которым потом размещались стелы, обелиски и камни в честь других друзей и близких Волконской: Баратынского, Карамзина, Веневитинова, Жуковского, Каподистрии, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта, Мицкевича, а также родственников княгини и даже её прислуги. Там же был установлен бюст императора Александра I на постаменте из куска гранита знаменитой Александровской колонны с Дворцовой площади северной столицы. Княгиня первоначально создавала у себя на вилле из этих стел и обелисков две Аллеи — Аллею друзей и Аллею воспоминаний (памяти об ушедших). Но с течением времени всё перепуталось: время брало своё, и всё больше друзей уходило туда, где оставалась только память...

Красочное описание виллы Волконской оставил историк М. П. Погодин: “Вилла княгини Волконской за Иоанном Латеранским прелестна — домик с башенкою, впрочем, довольно обширную, по комнате в ярусе, выстроен среди римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой — римская населённая часть города и Колизей, и Пётр. Всего более меня умилил её садик, посвящённый воспоминаниям. Там под сенью кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Дмитрие Веневитинове”.

Возвращаясь к салонам Волконской, укажем, что они действовали в Риме долгие годы, но начали сходить на нет примерно с 1844–1845 годов, когда после смерти мужа княгиня всё более погружалась в благотворительную деятельность, в том числе по помощи обездоленным и поддержке приютов. Этой деятельностью Волконская начала заниматься почти сразу по прибытии в Рим, что косвенно, вероятнее всего, повлияло на её решение принять католичество. Дело в том, что это обращение, согласно надписи на мраморной плите в часовне дворца семейства Риччи на виа Джулия (именно в этом дворце жил постоянно со своими родственниками друг и возлюбленный Зинаиды Миниато Риччи), состоялось 2 марта 1833 года в церкви Сан-Карло э-Бьяджо ай-Катинари, при которой в 1832 году был основан Институт “Дочек Божественного попечения”, занимавшийся помощью сиротам. Княгиня сотрудничала с этим приютом, как и граф Миниато Риччи, который в то время занимал пост руководителя районов Парионе и Святого Евстахия, к которому относилась упомянутая церковь.

На такое важное решение Волконской повлияло и то, что в 1832 году, собираясь в Россию, она тяжело заболела в городе Бальцано. Как писал сопровождавший княгиню Степан Шевырёв, “наш ангел был готов улететь на небо, но друзья удержали его за крылья, и Бог оставил его нам, так как здесь внизу тоже нужны хорошие люди...” Позднее княгиня признала, что “мне не удалось отправиться туда, куда меня звал мой долг, то есть в Россию... За мной ухаживали мои дорогие итальянцы, столь славные своим добрым нравом и характером. Они решили, что я должна вернуться в Рим”. Получается, что в Риме княгиня нашла истинных друзей, что многое объясняет в её поведении.

О последних годах жизни Волконской в Риме известно не так уж много. Бытует версия, что она умирала чуть ли не в нищете, потратив все свои деньги на благотворительность, в том числе при участии католических священников, пользовавшихся будто бы излишней добротой и щедростью княгини. На самом деле, Волконская по собственной инициативе брала на себя обязательства, участвовала в самых разных благотворительных мероприятиях, сотрудничая не только с кардиналами и епископами, но и с простыми священниками. Она в конце жизни всё чаще выбирала милосердие, а не служение музам. Из конкретных дел княгини можно упомянуть её участие в организации часовни для дома бедных девочек в районе Монти с преобразованием её затем в больницу для престарелых монахинь, в создании сельскохозяйственной колонии для детей от 5 до 18 лет, а также семейного приюта.

По свидетельству исследовательницы биографии княгини Ванды Гасперович, за несколько лет до смерти Волконская приняла решение стать монахиней ордена Святого Франциска в миру, и её можно было часто встретить в районе Треви в простом чёрном платье, помогающей обездоленным. Маркиз де Грегорио, хорошо знавший княгиню, вообще утверждал, что она носила тогда “убогое, потёртое” платье, выходя из дома, “как бедная женщина самого низкого общественного сословия... Она жила на виа дельи Авиньонези, в небольшой квартире... Она жила с незамужней сестрой, княжной Марией, также исключительно благочестивой женщиной. Я много раз видел их за едой. Стол был умерен и отображал характер сотрапезниц”.

Вот так скромно и кротко проводила свои последние годы женщина, блиставшая в аристократических кругах России и Европы так, как никакая другая. Скончалась Зинаида Волконская 24 января (5 февраля) 1862 года по причине простуды, которая была получена, согласно существующему преданию, после того, как княгиня отдала своё пальто на улице какой-то нищей женщине. Есть версия, что Зинаида Волконская завещала похоронить себя в знаменитом соборе Святого Петра в Ватикане. В этой просьбе ей было отказано, но княгине заранее удалось купить места для захоронений себя и своих родственников в стене одного из приделов церкви Святых Винченцо и Анастасио (Santi Vincenzo e Anastasio), известной также как храм Мазарини, прямо напротив палаццо Поли на площади фонтана Треви. На похороны княгини, которую в Риме считали и называли “блаженной”, пришла “огромная толпа простых людей”.

Но вот причуда судьбы! В 2003 году решением папы Иоанна Павла II церковь Святых Винченцо и Анастасио была передана в пользование Болгарской Православной Церкви, и получается, что княгиня, перешедшая в католичество, в какой-то степени вернулась в лоно Православия. В той же церкви покоится прах мужа княгини Н. Г. Волконского и её сестры Марии Александровны. Что касается её сыновей, то Александр Никитич Волконский (1811–1878) пошёл по стопам своего деда: он долгое время был на дипломатической службе, исполнял обязанности чрезвычайного посланника в Саксонии, в Неаполе и Испании, дослужившись до тайного советника. Увлекался при этом, как и его мать, искусством, был собирателем живописи и скульптуры, очень любил город на Тибре, написав книгу “Рим и Италия средних и новейших времён”, остался верен Православию и имел большой авторитет в ватиканских кругах. А приёмный сын Волконской Владимир Павей остался жить в Риме, где и умер в 1878 году. Он стал членом личной почётной папской гвардии, исполнял при папском дворе должность знаменосца, выступая иногда переводчиком с русского языка для кардиналов Ватикана.

Что касается виллы Зинаиды Волконской, то её ждали удивительные метаморфозы. В 1923 году наследники княгини – её внучка Надежда Ильина, приёмная дочь сына Александра, и её муж Владимир Кампанари – продали

виллу итальянскому правительству, которое накануне Второй мировой войны передало её под резиденцию посла Германии. В 1938 году именно на этой вилле останавливался Гитлер, позднее там бывал и Геринг. Некоторое время в ней располагалась даже штаб-квартира гестапо, где проводились и пытки, и расстрелы арестованных. С 1947 году вилла перешла в распоряжение Великобритании, и в ней до сих пор находится резиденция посла этой страны в Италии, в которой несколько раз останавливалась при посещении Рима английская королева Елизавета.

Жаль, но суровые ветры времени и нерадивость сменявшихся хозяев не сберегли на вилле Волконской подавляющую часть примет и памятных знаков Русского Рима: почти ничего не сохранилось на Аллее воспоминаний и на Аллее друзей, которые с таким трепетом создавала когда-то Волконская. Не дожила до наших дней в нетронутом виде и та самая памятная пушкинская стена. А вот бюст императора Александра I, которого хозяйка виллы ценила так высоко, всё-таки сохранился: он находится в глубине парка виллы.

У меня, как у поэта и историка, нынешняя недоступность виллы для простых россиян, которые хотели бы воочию увидеть признаки самого знаменательного и удивительного периода присутствия русских в Риме, вызывает печальные чувства: хорошо было бы иметь здесь музей русско-итальянских культурных связей, он бы, без сомнения, украсил город на Тибре!

Гоголь как квинтэссенция Русского Рима

У русской литературы есть одна удивительная особенность, ещё не осмысленная и не оценённая до конца, по крайней мере, она ещё не стала предметом особого исследования. Речь идёт о том, что многие и многие шедевры русской литературы рождались и создавались вдалеке от Родины, как будто именно оттуда, издалека, из-за рубежа Россия видится лучше и чётче, как сквозь увеличительное стекло. И не важно, почему тот или иной писатель оказывался в далёких краях – по долгу службы, гражданской или военной, из-за страсти к путешествиям и познанию иных стран или по причине вынужденной эмиграции и разлуки со своим Отечеством.

Одним из первых эту эстафету открыл Александр Грибоедов, который в 1820 году, находясь в Тавризе на дипломатической службе, задумал написать свою бессмертную комедию “Горе от ума” и именно в Иране сделал первые её наброски. Фёдор Тютчев также по дипломатическим обязанностям провёл в Мюнхене и других местах Европы более 20 лет, и именно в эти годы он создал лучшие образцы своей лирики, наполненной думами о Родине. А далее последовали созданные в Европе тургеневские романы, в том числе роман “Дым”, написанный в Баден-Бадене, роман “Игрок” Достоевского, рождённый под звуки скачущего шарика рулетки, а ещё позже – творения Бунина, Куприна, Мережковского, Бальмонта, Игоря Северянина и многих других, познавших тяготы изгнания...

Однако самым ярким примером “удалённого от Родины” литературного творчества был и остаётся “римский эксперимент” Николая Васильевича Гоголя, который в общей сложности провёл за границей около 10 лет из почти 43 лет своей жизни. Впервые Рим открылся писателю 25 марта 1837 года, когда он приехал продолжать работу над “Мёртвыми душами”, начатыми в Швейцарии и в Париже, а в последний раз – уже почти проездом – писатель посетил Вечный город в октябре-ноябре 1847 года. И из этих насыщенных десяти лет Гоголь чуть более 3 лет и 8 с половиной месяцев отдал именно Риму. Казалось бы, не так уж и много! Но что это были за годы!

Беспокойный, скитальческий характер Гоголя привёл к тому, что в течение тех самых заграничных лет он посещал Рим, то живя в нём подолгу, то находясь там совсем недолго, 9 раз.

“Римская эпопея” писателя достойна самого подробного изучения, и не случайно её описанию посвящено несколько серьёзных исследований (назовём здесь лишь три книги: Риты Джулиани “Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай” (М., 2009), Валентины Виноградовой “По римским адресам Гоголя” (М., 2014) и Т. Л. Мусатовой “Новая книга о Гоголе в Риме” (Том 1. М., 2017). В настоящем издании мы вынуждены остановиться только

на основных вехах “римской эпопеи” автора “Мёртвых душ”, в том числе связанных с русскими салонами Зинаиды Волконской.

В 1827 году молодой Гоголь, будучи учеником Нежинской гимназии и пробуя свои силы в поэзии, напророчил себе в стихотворении “Италия” дальнейшую судьбу:

*Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонет, и тоскует.
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует.*

Далее следовали яркие описания автором итальянских красот, но главное заключалось в беспредельном стремлении писателя в Италию, в этот рай на Земле, как определил для себя это место Гоголь ещё в юношеские годы. Встречи с “роскошной страной” и Римом ему пришлось ждать ещё 10 лет. Причём Рим далеко не сразу приобрёл для Гоголя черты райского места, где он вожделенно хотел жить и творить. В первый свой приезд в город, продлившийся с конца марта по июнь 1837 года, писатель скорее присматривался к Вечному городу, тщательно обследуя все его уголки и обойдя его вдоль и поперёк. Он снял квартиру у домовладельца Джованни Мазуччи на Виа Изидоро (Via Isidoro), 17 около площади Барберини и церкви Святого Исидора, в районе, где уже долгие годы любили снимать для себя жильё русские художники, отправлявшиеся в Италию на стажировки. Именно на этой квартире Гоголь написал две первые главы “Мёртвых душ”. Интересно, что это место находится всего лишь в нескольких минутах ходьбы от дома №126 по Виа Феличе (Via Felice, ныне Via Sistina), буквально — улицы Счастья, где на третьем этаже здания в квартире, арендованной у старика по фамилии Джузеппе Челли, Гоголю суждено будет вскоре обрести своё постоянное и самое любимое место пребывания в Вечном городе.

А пока Рим показался Гоголю каким-то обычным и не совсем уж великим городом. “Мне кажется, — писал он Александру Данилевскому, — что будто бы заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр. Блюда все особенные, все на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений. Здесь всё остановилось на одном месте и далее нейдёт”. Но вот оказавшись в Женеве в сентябре 1837 года, писатель почувствовал вдруг неодолимое желание вернуться в Рим и, переждав карантин, вызванный эпидемией холеры, устремился в город на Тибре, признавшись Жуковскому в своём порыве: “Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — всё это мне снилось. Я проснулся опять на родине.. Как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всём и впился в её роскошные красы. Она заменила мне всё”.

Прибыв в Рим в конце октября 1837 года, Гоголь был просто ошеломлён его великолепием, обретая в душе свет, спокойствие и желание безостановочно творить. В апреле 1838 года в письме к своей ученице Марии Балабиной писатель признавался: “И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”.

В этих словах слышится что-то мистическое, метафизическое и совсем нереальное: писатель обрёл “родину своей души”, где она жила ещё до его рождения, — именно в Риме. Он понял при этом “душу Вечного города”, сроднился с ней своей душой и обрёл для себя тот самый “взыскуемый рай”, о котором другие могут только мечтать, да и то только в загробной жизни. Приведём колоритные выдержки из писем и записей писателя, свидетельствующие о его безграничной любви к Риму и о том, что в душе своей мастер прозы Гоголь был, конечно, чутким и выразительным поэтом:

“Что за небо, что за дни...”

“Пью не напьюсь, гляжу не нагляжусь...”

“Кроме Рима, нет Рима на свете...”

“Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь...”

“Что за земля Италия!.. Всё прекрасно под этим небом...”

“Родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня...”

“В душе небо и рай...”

“Рим больше, чем счастье и радость...”

“Рим увлѣк и околдовал меня...”

“Всѣ, кажется, дышит и говорит под этим небом...”

“Рим как святыня, как свидетель чудных явлений...”

“Лето – не лето, весна – не весна...”

“Тут всё живо, всё кипит...”

“Вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить...”

“В мою душеньку, в мою красавицу Италию...”

“Вся земля пахнет и дышит художниками...”

“Кто был на небе, тот не захочет на землю...”

“В мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой...”

“Мне нужен был душевный монастырь...”

“Нет лучшей участи, как умереть в Риме...”

“О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде...”

А вот и разгадка того симбиоза, который получился от союза Рима и Гоголя: писатель мог писать о России и видеть её “во всей громаде” только в Риме! Как писала Александра Смирнова-Россет, Гоголь в Риме “мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления”, а сам писатель признавался, что “если есть где на свете место, где страдания, горе, утраты и собственное бессилие могут позабыться, то это разве в одном только Риме”. Город-рай, город-небо и жизнь на улице с символическим названием Счастье сделали писателя более стойким, просветлённым и способным на литературный подвиг, который он совершил, создав “Мёртвые души”. Вот почему он так не хотел уезжать из Рима ни в Европу, ни в Россию, не желал “оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю”. И писатель оказался прав, когда, приехав в конце сентября 1839 года в Москву, вновь ощутил в самом себе “терзания адские, невыносимые” и уверял близких, что он не посмотрит “ни на какие препятствия, ни на время, и через полтора или два месяца я на дороге в Рим”.

При этом сам писатель следующим образом в письме к историку М. П. Погодину объяснил тот парадокс, что и под небесами Рима, вдали от Родины, он полностью поглощён Россией: “Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог я посвятить чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнажённые пространства предпочёл я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей Отчизны?”

Рим вообще издавна называли *speculum mundi* – “зеркалом мира”, в которое смотрелись разные народы и видели в его тумане собственное лицо, своё предназначение и предписанный путь. В Вечном городе рождалось много произведений иностранцев, которые чётче и яснее видели оттуда очертания своих родных земель, и Гоголь доказал это уникальное свойство города на Тибре, как никто другой. Ведь какое произведение вообще можно назвать более русским, чем “Мёртвые души”? А родилось-то оно именно в Риме.

Отметим, что в Риме ещё в первый приезд Гоголя угнетали две вещи: осознание гибели Пушкина, о которой он узнал, находясь в Париже, и постоянное безденежье, которое подтолкнуло Гоголя просить Жуковского обратиться за помощью к императору Николаю I с очень показательными словами, показывающими, как жили в Риме русские художники: “Я должен продолжить мною начатый большой труд, который писать взял с меня слово Пушкин... а между тем я начинаю верить... что писатели в наше время могут умирать с голоду... Будь я живописец, хоть даже плохой, я был бы обеспечен.

Здесь в Риме около пятнадцати человек наших художников, из которых иные рсуют хуже моего: они все получают по три тысячи в год. Поди я в актёры — я был бы обеспечен: актёры получают по 10 000 и больше, а вы сами знаете, что я не был бы плохой актёр. Но я писатель — и потому должен умереть с голоду”. Николай I услышал призыв Гоголя и выделил ему 500 червонных (4860 рублей) “во внимание к крайне стеснённому положению находящегося в Риме русского сочинителя”, чем обеспечил ему более или менее стабильное положение на 1–1,5 года.

Тем не менее, Гоголь продолжал жить в Риме очень и очень скромно, когда он занимал две небольших комнаты в доме №126 по Виа Феличе, где в 1901 году усилиями русской колонии была установлена мемориальная доска. Гоголь платил за жильё 20–30 франков в месяц, и ему изредка и совсем не аккуратно прислуживала служанка сеньора Челли Нанна. В полуподвальном помещении дома, где жил писатель, находилось стойло для ослов, нередко мешавших ему своими криками. Литературный критик П. В. Анненков, живший рядом с Гоголем, вспоминал, что обстановку его комнаты составляли простая кровать, большой стол, соломенный диван, книжный шкаф, “письменное бюро в рост Гоголя, обыкновенно писавшего на нём свои произведения стоя”, стулья, мозаичный пол и... “ни малейшего украшения”.

Конечно, помогало Гоголю то, что в Риме в те годы не только время от времени появлялись путешествующие россияне, с которыми он мог встречаться и общаться, но там постоянно жили многие соотечественники Гоголя, прежде всего, русские художники, отправленные в Рим Императорской Академией художеств. С некоторыми из них, особенно с А. А. Ивановым, Ф. А. Моллером и Ф. И. Иорданом, ставшим потом ректором той самой Академии художеств, Гоголь сблизился особенно тесно. Иордан отмечал по этому поводу, что “в Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников... Мы все собирались всякий вечер на квартире у Гоголя... обыкновенно пили русский хороший чай и оставались тут часов до девяти... В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал”.

И совершенно естественно, что с первых дней пребывания в Риме, а именно с апреля 1837 года, Гоголь оказался в орбите салонов Зинаиды Волконской, выступавшей в роли метрессы и “доброго гения” Русского Рима. Княгиня разрешала писателю приезжать к ней, когда он только пожелает и на сколько пожелает. Гоголь часто посещал и апартаменты княгини в палаццо Поли и её виллу, где он участвовал в приёмах и литературных вечерах, постоянно общался с княгиней и её гражданским мужем Миниато Риччи, занимался с ними литературными делами, в частности, обсуждал вопросы переводов русских писателей и поэтов на итальянский язык. Как отмечала княгиня в своём письме от 8 июня 1837 года, “Гоголь здесь и часто приходит на мою виллу, он читает в моей библиотеке...”, а через несколько месяцев она сообщала: “Гоголь вернулся, пронизанный чувствами к Риму”; “Гоголь здесь и всякий день более воплощается с Римом”. Известно, что Гоголь читал для посетителей палаццо Поли и виллы Волконской главы “Мёртвых душ” и своего бессмертного “Ревизора”, вызывая этим огромный интерес к своему творчеству.

Волконская, оказавшая сильное воздействие на восприятие Гоголем Рима, его достопримечательностей, жителей и богатой истории, очень ценила писателя и даже устраивала в его честь, как это случилось 30 января 1839 года, особые праздники. В тот день Степан Шевырёв прочитал посвящённое Гоголю стихотворение и подарил ему рисунок с изображением театральной маски. И именно с этой маской в руках изобразил Гоголя на памятнике писателю на вилле Боргезе, установленном в 2003 году, Зураб Церетели.

Посещая салоны Волконской, Гоголь заводил знакомства со многими итальянскими и европейскими деятелями искусств. Однажды он впервые услышал там римского народного поэта Джузеппе Джоакино Белли, который исполнял острые памфлеты на злобу дня, делая своими героями обычных людей и передавая дух самого старого района Рима Трастевере. Гоголь предпринял немало усилий, чтобы имя этого поэта стало известно в Европе, выступив в качестве пропагандиста итальянской поэзии.

Волконская, вводя Гоголя в круг своих римских знакомых, открывала перед ним перспективы общения с самыми разными людьми, от кардинала Джузеппе Меццофанти и востоковеда Микеланджело Ланчи до многочисленных

членов Института археологической корреспонденции, активным участником деятельности которого княгиня стала еще в 1836 году. Она всегда интересовалась археологией, собирая свою коллекцию античных гемм и украшений. Известно, что Гоголь с апреля 1837 года участвовал в собраниях этого Института, проявляя постоянный интерес к древней истории.

При этом следует сделать очень важное замечание, что Гоголь начал изучать итальянский язык ещё до приезда в Рим и очень преуспел в этом, обучаясь языку ежедневно, постоянно смешиваясь с толпой, участвуя в римских карнавалах, беседа с посетителями кафе и trattorias, а также с представителями итальянских искусств — от художников и архитекторов до музыкантов и писателей. Дело дошло до того, что Гоголь давал уроки итальянского своим друзьям, переводил итальянские тексты и пытался сам писать на этом языке, чем отличался от многих россиян, не спешивших изучать в Риме местный язык. И, конечно, знание итальянского раскрывало Гоголю широкие перспективы познания и самой Италии, и её жителей, и её истории, и её культуры.

П. В. Анненков оставил такую картинку гоголевского поведения на вилле княгини Волконской, где писатель особенно любил грот, где он, находясь подолгу, обдумывал и сочинял “Мёртвые души”: “На даче княгини З. Волконской, упирившейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду богатых, как называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мёртвую и великолепную римскую Кампанию”. Сам Гоголь так описал подобный досуг на вилле в письме к матери: “Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у княгини Зинаиды Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный, проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и на радость розам и всему пестреющему около меня прозябанию. Освежительный холодок проник в мои члены, утомлённые утреннею, немного душною прогулкою...”

Сохранились уникальные рисунки, сделанные В. А. Жуковским во время его совместных длительных прогулок по Риму с Гоголем, на которых можно видеть последнего и в городе, и запечатлённым на крыльце виллы Волконской на фоне возвышающейся вдали базилики Сан-Джованни-ин-Латерано (это было сделано 3 и 9 февраля 1839 года). “Мы с Жуковским на лету рисовали виды Рима, — сообщал писатель об этих художественных экспериментах своему другу Данилевскому, указав на явное превосходство поэта в умении рисовать, — Жуковский в одну минуту набрасывал по десятку рисунков, чрезвычайно верно и хорошо”.

Гоголь очень подружился с княгиней Волконской, и в её отсутствие в Риме он чувствовал себя одиноко, в чём сам признавался в письме к матери в 1838 году: “Кн. Зинаида Волконская, к которой я всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала моё время пребывания в Риме, уехала, и у меня теперь в городе немного таких знакомых, с которыми любила беседовать моя душа”.

В апреле-мае 1839 года на вилле Волконской долго болел и умер 22-летний друг Гоголя, историк Иосиф Михайлович Виельгорский, который был воспитанником и адъютантом великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Гоголь, чтобы помочь медленно умирающему другу, переехал на виллу и не отходил от него ни днём, ни ночью. Волконская пыталась обратиться умирающего Виельгорского в католичество, и это вызвало острые трения между ней и Гоголем, который вынужден был удалиться и впоследствии посвятил этой истории неоконченный рассказ “Ночи на вилле”. Эта история послужила некоторому охлаждению отношений Гоголя с Волконской, хотя он продолжал участвовать в салонах княгини вплоть до примерно 1845 года, когда они начали сходить на нет.

Следует подчеркнуть, что верность Православию была одной из неизменных черт писателя, несмотря на то, что он жил в Риме, находился в контакте с католическими священниками, пытавшимися повлиять на его духовный настрой, со многими перешедшими в католичество россиянами и испытывал к католичеству уважение и художественное любопытство, как ценитель архитектуры и изобразительного искусства.

А что касается любимых мест Гоголя в Риме, то в их числе следует назвать: — Римский Форум и Колизей, которые входили в маршруты постоянных прогулок Гоголя по Риму в одиночестве или вместе с гостями из России, перед которыми он выступал в качестве искусного экскурсовода;

— собор святого Петра в Ватикане куда писатель часто заходил, восхищаясь его красотой, масштабом и величием. Писатель испытывал особую любовь к мастерам итальянского искусства, прежде всего к Рафаэлю и Микеланджело;

— Испанская площадь как центр притяжения всех жителей и гостей Рима;

— в Риме Гоголь наслаждался садами и парками, которые он посещал почти ежедневно: вилла Боргезе, вилла Медичи, вилла Альбани, вилла Торлониа, сады Саллюстия и т. д.;

— кафе “Греко” (Antico Caffè Greco) на улице Кондотти, 86 — одно из самых древних кафе Рима, существующее с 1760 года, постоянное место встреч русских писателей и художников, в котором бывали также Гёте, Байрон, Стендаль, Мицкевич, Теккерей. И это кафе до сих пор хранит приметы посещения его великим Гоголем;

— кофейня Del Buon Gusto (“Хороший вкус”) на углу Испанской площади и Via Carozze, а также популярные trattorie Lepre (“Заяц”) на улице Кондотти, 11 и Falcon (“Сокол”) неподалёку от Пантеона, где Гоголь, отличавшийся изрядным аппетитом, любил попробовать римские блюда и десерты;

— Гоголь был частым гостем в мастерских итальянских художников и скульпторов, часть из которых располагалась в районе монастыря Святого Исидора. И, конечно, он постоянно общался с русскими художниками, набравшимися опыта в Вечном городе;

— писатель нередко посещал римские театры, он любил музыку и особенно оперу;

— пригороды Рима, в том числе местечко Тиволи, которые воодушевляли Гоголя своей ещё не тронутой природой. Однажды во время поездки по красивым окрестностям Альбано, в городке Аричча Гоголь, остановившись в самом обычном трактире, вдруг ощутил творческий порыв и под нескончаемый шум и грохот бильярдных шаров “забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места”.

Гоголю выпало несколько раз уезжать из Рима и страстно возвращаться в него, однако, выехав в начале лета 1840 года из России в Вечный город, писатель сильно заболел в Вене и чуть не умер, пережив и “желудочное расстройство”, и “болезненную тоску, которой нет описания”. И именно в это время в Гоголе что-то “сломалось”, в нём стало выживать отчуждение от Рима, победившее в итоге в конце 40-х годов. Ещё летом 1840 года писатель признавался в письме к Погодину, что “ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу и не чувствую”. Тем не менее, 25 сентября 1840 года Гоголь вновь прибыл в город на Тибре и прожил там более года — до августа 1841 года, работая над “Мёртвыми душами”, увидевшими свет летом 1842 года.

Гоголь вновь приехал в Рим 4 октября 1842 года (оставшись там до начала мая 1843 года) вместе с поэтом Н. М. Языковым, который поселился на втором этаже того же дома на улице Феличе. В писателе, ослабевшем тогда здоровьем, начинают развиваться в этот период ностальгические чувства по отношению к России и слабеет очарование Римом. Так, в феврале 1843 года Гоголь признавался: “Для меня всё, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого, близко. Малина и попы интересней всяких коллизеев”. И добавлял: “Сказать правду, для меня давно уже мертво всё, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию, и нет меры любви к ней”.

Такова оказалась гоголевская метаморфоза: римский солнечный рай стала затмевать холодная и необустроенная Россия. В январе 1843 года в Рим по приглашению писателя приехала из Флоренции та самая Александра Осиповна Смирнова-Россет, которая была фрейлиной двух императриц, дружила с Пушкиным, познакомилась с Гоголем ещё в Царском Селе, ввела его в круг друзей Пушкина, а потом принимала его в Париже, Ницце и Баден-Бадене. Писатель признавался, что “с ней мы были издавна, как брат и сестра, и без неё, Бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни...”

Именно Смирновой-Россет Гоголь читал летом 1837 года в Баден-Бадене отрывки из ещё не дописанных “Мёртвых душ”. Как вспоминала подруга писателя, “Гоголь вынул из кармана тетрадку в четвёрку и начал первую главу своей бессмертной поэмы. Мы были в восторге... Никто так не читал, как Го-

голь, и свои, и чужие произведения. Мы смеялись неумолкаемо. В нём был залог великого актёра”.

Для нас важно отметить, что кроме Зинаиды Волконской в Риме появлялись и другие знаменитые женщины-аристократки, испытывавшие трепет к искусству и готовые помогать русским писателям и художникам, как это было с Гоголем. Смирнова сняла апартаменты в палаццо Валентини, неподалёку от Форума Траяна, куда на протяжении нескольких недель ежедневно приходил Гоголь, общавшийся с хозяйкой и её друзьями, готовивший им макароны, показывавший им красоты Рима и его окрестностей. По заверениям Смирновой, “никто не знал лучше Рима... Не было итальянского историка или хроникёра, которого бы он не прочёл...”

Пребывание в Вечном городе Смирновой скрасило будни Гоголя зимой 1843 года, а в мае того же года он уехал в Германию и начал буквально метаться по Европе, проводя время то в Ницце, то в Баден-Бадене, то во Франкфурте в доме у Жуковского. Он вновь несколько раз болел и возвратился в Рим только 24 октября 1845 года, снова оставшись в Вечном городе до мая следующего года. Писатель поселился на этот раз по другому адресу: Via della Croce, 81, на четвёртом этаже сохранившегося поныне здания, известного как палаццо Понятовского. Любопытно, что с 17 по 21 декабря 1845 года в Риме инкогнито, хотя все об этом хорошо знали, находился император Николай I, встречавшийся с папой Григорием XVI. Гоголь видел императора несколько раз мельком, “любовался им издали” – “лицо его было прекрасно”, – но так и не осмелился к нему подойти. Как объяснил сам писатель, “я не представлялся к нему потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего ещё доброго и достойного благоволения, напоминать о своём существовании...”

Во время этого пребывания в Риме Гоголь опять нашёл того, с кем ему удалось сблизиться и с кем он побеждал своё одиночество, – с графиней С. П. Апраксиной, также помогавшей писателю. Смирнова-Россет по этому поводу сообщала: “До меня дошло, что Гоголь поправился, бывает всякий день у Софьи Петровны Апраксиной, которая его очень любит, чему я очень рада. Ему всегда надо пригреться где-нибудь, тогда он и здоровее, и крепче духом. Совершенное одиночество для него пагубно”.

Следует особо подчеркнуть, что Рим был так благотворен для писателя во многом потому, что его почти постоянно окружали друзья и знакомые, причём некоторые из них нередко жили рядом с Гоголем или даже в одном с ним доме. Перечислим имена самых близких товарищей и знакомых писателя, которые приезжали в Рим и коротали с ним время, кто несколько дней, кто несколько месяцев, и, конечно, так или иначе принимали участие в салонах Зинаиды Волконской.

1837–1839 годы: кандидат камеральных наук И. Ф. Золотарёв, который провёл вместе с Гоголем в Риме несколько месяцев; историк, мыслитель, одноклассник и друг Гоголя А. С. Данилевский; А. Н. Карамзин, сын знаменитого историка; ученица Гоголя М. П. Балабина; литератор, критик, профессор Московского университета С. П. Шевырёв; историк и археолог А. Д. Чертков; поэт и ближайший друг Гоголя В. А. Жуковский; историк и писатель М. П. Погодин; граф И. М. Виельгорский.

1840–1841 годы: литератор и друг писателя В. А. Панов, с которым Гоголь приезжает в Рим и который помогает переписывать начисто “Мёртвые души”; студент-филолог, будущий академик Ф. И. Буслаев; писатель и критик П. В. Анненков, который останавливается у Гоголя на два с лишним месяца и также помогает ему переписывать “Мёртвые души”; журналист и критик Н. И. Надеждин.

1842–1843 годы: поэт Н. М. Языков прибывает в Рим вместе с Гоголем и поселяется в том же доме на улице Феличе на много месяцев, так же, как и профессор Петербургского университета Ф. В. Чижов; подруга писателя А. О. Смирнова-Россет, о которой упоминалось выше; великая княгиня Мария Павловна и её супруг Максимилиан Лейхтенбергский;

1845–1847 годы: писательница Е. П. Ростопчина; графиня С. П. Апраксина; литератор А. С. Стурдза; вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой.

Этот далеко не полный список, куда не вошли многие русские художники, жившие подолгу в Риме, с кем постоянно общался Гоголь, впечатляет именно потому, что он показывает, как много русских интеллигентов и деятелей

искусств приезжали в “римскую мехку” в те годы и насколько тесными были русско-итальянские культурные связи. При этом следует иметь в виду, что, кроме салонов Зинаиды Волконской, “центрами притяжения” русских приезжих в Риме являлись в то или иное время места проживания многих российских аристократов, например, князей Репниных, Толстых, Апраксиных, Вильгорских, Олсуфьевых, а также членов императорского дома, то и дело навещавших Рим. И, конечно, огромную роль в жизни Русского Рима играла дипломатическая миссия России при Святом Престоле в Ватикане, сотрудники которой постоянно проводили встречи и вечера, в частности, в палаццо Памфили на пьядца Навона, палаццо Пропаганда Фиде на пьядца ди Спанья или в палаццо Джустиниани.

Особую роль во вхождении Гоголя в круг русской и итальянской творческой интеллигенции Рима сыграл старший секретарь, позднее советник миссии России при Ватикане П. И. Кривцов, проработавший там около 20 лет, с 1826 по 1844 год, и женившийся на княжне Е. Н. Репниной. Он был инициатором многих культурных начинаний и являлся “начальником над русскими художниками в Риме”, то есть главой Императорской дирекции русских художников в Риме. Любопытно, что Гоголь пытался стать конференц-секретарём этой дирекции, чтобы обеспечить своё существование в Риме, но это ему не удалось, несмотря на содействие его влиятельных друзей, в том числе Жуковского. Салоны Кривцовых, имевшие также яркую художественную направленность, часто проходили в палаццо Фальконьери на Виа Джулия, 1 и на вилле Фальконьери во Фраскати на окраине Рима, арендованных Репниными. На них собирались русские деятели искусств, в том числе Гоголь и Жуковский. Важно отметить, что Зинаида Волконская состояла в родстве с Репниными и дружила с четой Кривцовых. Недавно вилла Фальконьери была открыта для посещений публики, что можно расценивать как важное культурное событие в жизни Рима.

Зима 1845–1846 годов была последней зимой, которую писатель провёл в Риме. Уехав из него в мае 1846 года в Париж, а потом в Германию, Гоголь выбрал местом своей “зимовки” Неаполь, заехав в Рим только на три дня в ноябре 1846 года. А затем, выехав в мае 1847 года снова в Германию, он ещё дважды посетил Рим: в мае и октябре этого года, но всего лишь на несколько дней, чтобы вновь проследовать в Неаполь: тяга к Вечному городу уже остыла в душе писателя. Он сам откровенно признавался в этой перемене своему другу Жуковскому: “Во время прежнего пребывания моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз, как на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нём меня не заняло... Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию...”

Душевный перелом, случившийся с Гоголем, заключался в том, что, потеряв свой рай в Риме, он стал искать свой рай, свой “душевный монастырь” на Родине, представляя потом её единым, “огромным монастырём”. “Монастырь Ваш – Россия”, – так сформулировал эту мысль Гоголь в письме к А. П. Толстому, и до конца своих дней он не останавливал душевных поисков “высусуемого рая”. И нашёл ли он его там, за предельной чертой?..

Казалось бы, всё, приобретенное Гоголем в Риме, куда-то улетучилось, и последние годы писателя, мучительные и безрадостные, были лишены солнечного света, покоя и литературного взлёта, обретенных в городе на Тибре. Но так только могло показаться. Прежде всего, Рим подарил писателю в итоге творческий взлёт: он не только завершил здесь первую часть “Мёртвых душ”, но и создал много произведений, вошедших в копилку русской литературы – “Шинель”, “Театральный разъезд после представления новой комедии”, “Ночи на вилле”, “Отрывок”, комедии “Игроки”, “Тяжба”, “Лакейская”. Кроме того, Гоголь переделал в Риме “Тараса Бульбу”, “Портрет”, “Ревизора”, “Женитьбу” и начал писать целый римский роман “Аннунциата”, который вылился постепенно в повесть “Рим” – единственное произведение писателя, действие которого происходит за границей.

Рим всё-таки остался в душе писателя именно как обретенный рай, как вечное воспоминание о счастье, пережитом совсем недавно. Гоголь сам признался в этом парадоксальном, на первый взгляд, ощущении покинутого им Рима в письме к своему другу Данилевскому: “Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен”. Гоголь далее отметил, что, благодаря “римскому опыту”, он, “укреплённый

и мыслью, и духом”, изготовился идти “покойно, неторопливо, по пути, на- чертанному свыше...”

Это звучит как завещание человека, познавшего свою судьбу и готового идти по предписанному пути, каким бы он ни был, “взойти на ту лестницу”, которая определена небесной силой. “Дайте лестницу”, – таковы были одни из самых последних слов, сказанных Гоголем накануне смерти. Он вообще считал, что “незримая рука писала передо мною могущественным жезлом”, что “во мне поселился дух пророчества. Властью высшей облечено моё слово”. И в мировой истории трудно найти такой же пример слияния великого писателя одной культуры и страны с, казалось бы, чужим, иноземным городом, ставшим для него обрётённым раем. Рим и Гоголь – это вечная тема соединения разных культур в единый сплав творчества и жизни, это пример той самой всемирной отзывчивости, которая свойственна гениям.

Пушкин, которому посвятил когда-то свои слова о всемирной отзывчивости Достоевский, так и не смог, в отличие от Гоголя, побывать в городе на Тибре. И вот парадокс истории: оба гения русской литературы мечтали умереть в Вечном городе. Гоголь прямо утверждал: “Нет лучшей участи, как умереть в Риме”, – а Пушкин выразил почти то же самое своими стихами:

*Но если гневный Бог досель неуловим,
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!*

Однако умереть Пушкину и Гоголю было суждено в русских столицах... и встретиться потом в виде памятников, расположенных по соседству на аллее Viale Degli Artisti виллы Боргезе. Гении лишь через много лет после смерти смогли вернуться в Вечный город...

Уникальный опыт Гоголя, сумевшего не только познать и понять сам Рим, но и увидеть из него “громадину России”, долгие годы притягивал к себе внимание писателей и поэтов, пытавшихся хотя бы частично почувствовать исполненное автором “Мёртвых душ”. Вот и мне не раз хотелось приблизиться к гоголевскому пониманию Вечного города, ещё и ещё раз открывая его заветные уголки и достопримечательности и снова прибегая к собственному поэтическому отражению увиденного:

К Гоголю в Рим

*Я Рим хочу постичь, как Гоголь,
Уйдя в его глубины с головой,
Чтобы приблизиться немного
К заветной истине простой,*

*Что Рим — не только город вечный,
Что он — искомый город-рай,
Своей идиллией безупречной
Влекущий в итальянский край.*

*Сплелась в нём так непостижимо
История с природой неземной,
Что нет на свете гармоничней Рима.
А есть лишь Рим — один такой!*

*И Гоголь Риму неспроста молился
В Париже, Питере, Москве...
И с ним на небесах он слился
В бездонной звёздной синеве.*

Гоголь нашёл в Вечном городе рай потому, что он искал его неистово и упорно, понимая, что без него ему не достичь поставленных перед самим собой высоких духовных и творческих целей. Однако и этот рай оказался “не вечным”, а только земным, лишь улыбнувшись приметам Счастья автору “Ревизора” и “Шинели”, вернувшемуся под холодное, но родное небо русских просторов...